

фантастическая
история

МОСКВА, 2016

фантастическая
история

Виктор Сиголаев
**Фатальное
колесо**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С34

Серия основана в 2010 году
Выпуск 116

Сиголаев В. А.

С34 Фатальное колесо: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 281 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-2297-5

Что может произойти, если взрослое сознание окажется в детском теле? Причем тело-то свое собственное. Вот только «пробег» у него — всего семь лет. Тогда как мозгам — без малого полвека. И два высших образования, и нелегкая военная служба за плечами. И опыт, который ребенку не снился в самом страшном сне.

А тебя в очередной раз за шалости норовят поставить в угол. И гулять отпускают в лучшем случае до восьми часов. И школа — кузница создателей развитого социализма, где ты сам запросто смог бы преподавать. И советские милиционеры, которые на поверку далеки до идеала дяди Степы. А на улицах — шпана, даже не подозревающая о высокой морали кодекса строителя коммунизма. И не только шпана, есть акулы и пострашнее!

Есть два пути для такого «своеобразного» ребенка, два варианта выбора линии поведения. Первый — переписать всю жизнь заново, с черновика на чистовик, без ошибок и недоразумений, без горести и печалей. Или второй — по принципу «да гори оно синим пламенем». Где эта шпана и прочие «страшные акулы»? Поборемся! В конце концов, «я сюда не напрашивался»!

Герой выбрал второй вариант.
Скучать не пришлось...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2297-5

© Сиголаев В. А., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

Глава 1

ДЕЖАВИЮ

Я помню это колесико...

Еще бы мне его не помнить! Я тогда единственный раз в своей жизни попал под машину. Ну как попал... Летел из школы домой, мечтая о чем-то о своем, о детском. Выскочил на проезжую часть, а вящее правило «посмотреть налево, посмотреть направо» отработал только наполовину. Потому как пересекал дорогу наискосок, и «направо» выходило практически «направо и назад». Алгоритм дал сбой, ну я и не стал заморачиваться. А опасность была именно там, справа и сзади. Желтый «москвич»-грузовичок, отчаянно скрипя тормозами, пошел юзом и на излете пихнул боком перепуганного клопа-первоклашку, который от неожиданности врос в асфальт. Замер парализованным кроликом.

Помню, как после приземления я даже сознание на секунду потерял. Не от боли — от ужаса, надо полагать. Сдрейфил так, что на всю оставшуюся жизнь в память врезалось вот это самое колесо перед глазами. Серое от пыли и с потеками битума на резине, оставшегося после езды по раскаленному асфальту.

Тогда, в далеком своем детстве, услышав щелчок открываемой дверцы со стороны водителя, я, искренне считая себя чуть ли не международным преступником, просто вскочил и задал стрекача. Причем в противоположную от своего собственного дома сторону. Путал следы, так сказать. Потом часа три сидел в кустах за школой,

изобретая для матери причину разорванной на коленке штанины...

И вот снова перед глазами то же самое КОЛЕСО! Как и сорок лет назад. Я тупо разглядывал стертые протекторы. Дежавю, да и только. Накрыло так накрыло. Интересно, а почему это колесо так огромно? Такое ощущение, будто «москвич» размером с автобус. В прошлый раз такая мысль почему-то мне в голову не приходила.

Прямо над ухом знакомо щелкнула открывающаяся дверца автомобиля. Ну да. Как-то так оно и было...

— Господи! Мальчик! Где болит? — Водителем оказалась женщина лет тридцати в темно-зеленой спецовке.

Кто это тут, интересно, «мальчик»?

Я с трудом оторвался от изучения покрышки, переменял позу с лежачей на сидячую и посмотрел вверх. Ого! Девушка-великан. Симпатичная, к слову, и довольно молодая. Можно сказать, просто юная для моих сорока девяти честно прожитых лет. Короткие светлые волосы растрепаны. Глаза — на пол-лица. Серые. Перепуганные. Присела передо мной. И тут же меня начали теревить неожиданно сильные руки.

Вот это неслабо! Силища-то!

— Ты чего молчишь? Что с ногой? Ты что, паршивец, по дороге носишься? — Третий вопрос на четыре тона выше.

«Чего молчишь», «нога», «паршивец»...

Откуда начинать отвечать?

— Не надо истерик, женщина, — бурчу я и начинаю разглядывать то, о чем вопрос номер два: свою собственную ногу.

Эту дырку на штанах я тоже помню. Маме спасибо, не дала забыть. А вот худую, коричневую от солнечного загара детскую коленку — хоть убей.

— Давай быстро в машину. — Женщина легко, как перышко, ставит меня на ноги и бежит открывать дверь.

С большим опозданием у меня срабатывает рефлекторная память, и я стартую по направлению к школьному

двору. В обратную, надо сказать, сторону от дома. По отработанной методике.

Сзади что-то кричит красавица-водитель. Мелькают редкие, но какие-то огромные прохожие. Слева краем глаза замечаю двух школьниц в доисторических черных передниках. На вид — козявки, но они моего роста! Да что это такое происходит?!

По спине бухает ранец, и гремят карандаши в пенале. Откуда я знаю про карандаши? И про эту дырку в заборе? Какие высоченные кусты! А в их зарослях — лаз, будто пещера.

Я юркнул в безопасный полумрак и плюхнулся прямо на сухую траву, переводя дух...

Итак, соберем мысли в кучу.

Мне сколько лет? Сорок девять. Правильно? Правильно!

Я — взрослый человек, офицер запаса, подполковник. На гражданке — учитель истории. Женат, у меня есть взрослые сын и дочь. Есть даже внучка. Маленькая прелесть пяти лет.

И я же — почему-то сижу в кустах за школой, в которой учился сорок два года назад. И разглядываю поцарапанную детскую коленку, которая тоже моя! У меня не должно быть ДЕТСКОЙ коленки!

Бред.

Я зажмурился и потряс головой. Сон? Может быть, я в коме?

Приоткрыл один глаз. Мимо моего схрона лениво вышагивает толстенный серый котяра. Огромный зверюга! Хвостище словно драная мочалка. И толщиной, наверное, с бревно. Справа затыкали, и кот серой молнией брызнул в сторону...

Так. Что это я на животных засмотрелся? Отвлекаюсь. Кстати, как легко отвлекаюсь! Как будто рубильник в голове шелкнул. Детское легкомыслие.

Детское?

Я прислушался к своим ощущениям. Чертовски приятные, скажем, были ощущения. Печень не ныла. В затылке — непривычная легкость. Кругом — острый пряный запах сентябрьского приморского города. Необычно сильный запах, до головокружения. И зрение...

Зрение! Я быстро ощупал лицо. Очков не было!

Так-так-так. Что получается? Коленка... школьницы-переростки... «мальчик, где болит»...

Мальчик?!!

Я что, ребенок? Тот самый «клоп», которого мать отшлепала мокрой тряпкой за испорченную школьную форму? Воспоминания были так живы, что под ложечкой отчетливо засосало. И в голове заметалось что-то похожее на панику. Может, сказать, что котенка с дерева доставал? Или лучше — того самого драного кота, который удирал от собаки и якобы застрял на акации. Ведь мама сама учила помогать животным. А может быть, соврать про то, как...

Так, стоп! Какие коты, к чертям? Что за шизофрения? Мысль прыгает от подполковника до первоклассника. Чуть расслабишься — дите дитем.

А ну, собрался! Что получается?

А получается, прямо скажем, любопытная картинка. По всему выходит, что я сейчас в теле ребенка. Причем в теле самого себя, когда мне было всего семь лет. Такой вот бред наяву! И других вариантов пока не просматривается.

А как это, собственно, могло произойти? Я задумался.

Не помню...

То, что было со мной перед явлением фатального колеса, вообще не приходило на память! Вот не помню ничего, и все тут! Разве что штрихами какими-то. Смутно. Только общие впечатления — словно анкетные данные: родился, учился, служил, работал. И, кстати, родился, учился — как-то лучше помню. Рельефнее, чем все остальное. А вот служил и работал — где-то далеко в прошлом.

Еще не скоро. Словно вектор последовательности моей жизни развернулся в противоположную сторону.

Вот это да! И что делать?

На четвереньках я выбрался на залитый солнцем пустырь. Спohватившись, стал яростно отряхивать школьную форму. Ну и видок! Начинаю теперь понимать, почему дома через день мне устраивали выволочку в то время...

Или... в это время...

Тьфу! Запутался окончательно. Короче, понятно одно — со мной случилось что-то необъяснимо фантастическое и невообразимо сверхъестественное: Я СНО-ВА СТАЛ РЕБЕНКОМ. Семилетним первоклассником. И это надо принять как данность. Как отправную точку. Как единственную опору в бушующем вихре взбесившейся реальности.

Ну что ж, как говорил когда-то мой ротный в училище, знаменитый среди курсантов своей феноменальной непрошибаемостью: «Положим, товарищи, разум на обстоятельства».

А что еще остается?

Ну, давай попробуем...

Я чувствовал, что меня переполняет ощущение безграничного, беспричинного и безнаказанного счастья.

Взрослая составляющая тщетно пыталась найти причину сего неопишуемого явления, а ребенок улыбался и шел домой, приветливо светя прохожим драной штаниной. Порой хмурым облачком налетало осознание предстоящего возмездия, но солнце радости исчезало среди туч ненадолго.

Каждая секунда была наполнена великими событиями. Пыхтя сизым дымом, прошлепал мусоровоз размером со слона. На одной из беседок виноградная лоза провисла так, что можно было, подпрыгнув, достать пару ягод с огромной налитой грозди. Ягоды в прыжке были

раздавлены, сок брызнул на куртку. Обычное дело. Семь бед — один ответ.

В нашем дворе в огромной луже сидели два карапуза и что-то лепили из грязи.

«Глину из балки притащили», — компетентно подумал я.

А взрослый «я» с ужасом вспомнил, как прошлым летом сам таскал из старого оврага глину и в этой же самой луже пытался вылепить чашку для мамы.

Мама тогда не оценила...

Вообще-то я отлично понимал, что вся эта радость — суть детских биохимических процессов в организме. Но, черт побери, как это было здорово! Как легко и беззаботно...

Вот и мой подъезд.

Ну что ж, продолжаем исследовать все изюминки этого волшебного мира под названием «детство». Что-то мне подсказывает, что в этом компоте... не все ягодки бывают исключительно розового цвета.

— Это что такое?! — Мама молодая и красивая.

Щеки разругались — только что мыла пол в квартире. На кухне пахнет чем-то невообразимо вкусным. Там виден уголок стола, на столе — арбуз!

— Нет, ты посмотри на него! Ты чего улыбаешься? Это что такое, я тебя спрашиваю?! — У мамы от возмущения аж задрожала кудряшка над ухом.

Кстати, половая тряпка у нее еще пока в руках...

— Под машину попал. — Я деловито стряхнул с себя ранец и, не расстегивая, носком за задник скovyрнул туфли, запоздало вспомнив, что матери так не нравится. — Не волнуйся, без травм и увечий. Отделался легким испугом.

— Чем?.. Без чего? — Чувствовалось, что у матери много вопросов, но она не успевает расставить приоритеты. — Ты под машину попал?!

Ага, расставила. Тряпка уже в ведре — значит, острая фаза диалога позади. А в прошлый раз огреб именно этой тряпкой. Тогда мне досталось за три часа несанкционированного отсутствия и за рваную форму, которую мне якобы «злые мальчики порвали специально — за то, что я лучше них читаю в школе».

Бледненькая была версия, если честно. Лучше бы про кота завернул...

Но мама! Как же все-таки хорошо я ее помню!

— Мам, не волнуйся ты так. Не совсем попал. Машина тормозила, а я не видел. Толкнула просто, и я упал на коленку. Вот штаны порвал...

Мать уже на коленях передо мной и ощупывает всего с ног до головы.

— Здесь болит? А здесь? Не тошнит? Голова не кружится? — Мама у меня медсестра, работает в детском садике как раз за той балкой, где мелкота глину ковыряет для лужи.

— Не болит... И здесь тоже... Мам, у нас есть что покушать? Вот! Видишь — было бы сотрясение, есть не хотелось бы, — тщетная попытка сбить маму с намеченного курса.

— Ты откуда зна... Я тебе сколько раз говорила осторожно переходить дорогу? Тысячу раз. Ты-ся-чу раз!!! — Мамин испуг плавно перерастал в ярость.

Сейчас нужно просто отпустить ситуацию, внимательно ее выслушать, лучше со скорбным выражением лица, пару раз кивнуть и дожидаться вердикта. Он известен заранее — «гулять не пойдешь».

Из комнаты на интересное представление подтягивалась почтенная публика — младший братишка. Он осторожно выглядывал в прихожую. На пухлой мордашке — довольное выражение: брательник огребает!

У нас с ним неровные отношения, связанные с социальным статусом в семье. Я — старше, сильнее, умнее, да еще к тому же школьник. А он в четыре года уже вычислил, что все мои преимущества легко сводятся к нулю,

стоит ему громко зареветь и указать пальчиком в мою сторону. Верховный суд в лице родителей, как правило, опускает следственные изыскания и сразу переходит к исполнению приговора. Стоит ли говорить, кто преступник?

— ...А ты ворон считаешь! Тебя что, в школу как маленького за ручку водить? Или, может быть, сосочку дать? Сейчас у Васьки отберу и дам!

Мать считала себя сильным педагогом, потому что с отличием окончила медицинское училище. И потому что работала в детском саду. С личным составом, блин. Она предпочитала оригинальные наказания. Креативные, я бы сказал.

Услышав про соску, главный и единственный зритель моментально испарился. Метнулся препятывать свое сокровище, которое ему категорически запрещено использовать по назначению. Но запретный плод так сладок!

Между тем градус морализирования постепенно нарастал. Я покосился на тряпку в ведре. Пожалуй, есть смысл менять прошлое к лучшему. Первые шаги прогрессорства, так сказать... в корыстных целях...

— Знаешь, что странно, мама, — специально произнес это медленно, намеренно попав в тот момент, когда мать сделала паузу перед очередной эскалацией нравоучений, — когда я лежал на проезжей части (чуть не ляпнул «в луже крови»), лежал испуганный и оглушенный, мне на какую-то секунду показалось, что я английский музыкант. Представляешь? Стою я такой на огромной сцене в свете прожекторов. Вокруг — тьма народу. Все беснуются, визжат. А я тихо перебираю струны на гитаре и пою песню. Потом очнулся — я опять на асфальте. Но слова этой песни запомнил. Вот они.

Торжественно вскинув голову (а-ля Фредди Меркьюри) и руками изображая игру на виртуальной гитаре, я с выражением стал декламировать «нетленку» из «Битлз», которую когда-то в подростковом возрасте снимал на слух

с потрепанного кассетника, впитывая слова и фразы через скрип пленки и шорох двадцатикратной перезаписи:

— When I find... myself... in times...¹ — и так далее, с выразительными паузами и рязанским, разумеется, акцентом, особо смакуя раскатистую букву «р», которая, наверное, в клочья разорвала бы любое англосаксонское ухо.

А вот ухо, появившееся в дверном проеме, было надежного отечественного производства. И принадлежало оно моему брату, напрочь сбитою с толку иноземными словами, возмущающими привычный покой родной и благополучной до недавнего времени квартиры...

Я же начинал входить во вкус, слегка подтягивая в нужных местах и даже обозначая голосом зародыши vibrato — все-таки песня, а не просто банальное стихотворение.

Брат высунулся из комнаты полностью. Он уже не улыбался, потому что мешал раскрытый рот. В левой руке он держал запрещенную соску.

Я взмахнул рукой, ударив по струнам воображаемого инструмента, и остановился: хотелось понаблюдать за дальнейшей реакцией публики.

Реакции не было.

Была немая сцена...

Мать научила меня бегло читать в пять лет.

Окрыленная успехом, в семь лет она стала учить меня английскому языку, но этот путь был не так густо усыпан розами, как прежний. Добившись от меня усвоения разницы между *pen* и *pencil*², мать махнула рукой и переключилась на Василия. Там пока успехи были далеки от радужных, однако надежда, как известно, умирает последней.

Если вообще умирает...

¹ Начало песни «Let it be» («Да будет так»). — *Здесь и далее примеч. авт.*

² «Ручка» и «карандаш» (англ.).

По умолчанию, Васька должен был стать гением. Я — просто способный. А вот Ва-ася! Это — следующая ступень эволюции. На мне все педагогические методики обкатывались, на Васе — реализовывались. Меня дома учили быстро и с азартом. Васю — долго, вдумчиво и со вкусом. Может, поэтому я впоследствии вынужден был всю информацию схватывать на лету. А Василий вырос... тугодумом.

Впрочем, в доме наконец-то зазвучала английская речь! Сбылась мечта педагога. Мать на кухне задумчиво терла сухим полотенцем посуду, рассеянно выслушивая Васькины жалобы, которые щедро сдабривались надрывными всхлипами и выразительным закатыванием глаз.

А я ходил по нашей старенькой квартире, как по музею.

Каждый пустяк, каждая деталь или предмет в комнате отзывались в душе какой-то щемящей нежностью. Непонятно к кому — то ли к родителям, то ли к брату, а может быть — к самому себе.

А скорей всего — ко всему этому забытому миру. Яркому и беззаботному. Миру неведения зла и подлости. Навивной вселенной без проблем и горя. Где не было ни прошлого, ни будущего — только настоящее. А если и заглядываешь вперед — то максимум на день или на два.

«Послезавтра, если будете себя хорошо вести, пойдем в цирк». Послезавтра! Как долго. Дожить бы...

«Через месяц надо показать тебя стоматологу». Ха! Испугала. «Через месяц» — это как «в другой жизни». Через месяц и будем бояться. А там «или эмир умрет, или ишак сдохнет».

Хотя... про Насреддина я стал читать во втором классе. Вернее, стану.

Стану?

И тут неожиданно сделалось страшно. По-настоящему. До темноты в глазах. До колик в животе. Скрутило от невыносимой жути так, что я уселся прямо на пол, где стоял, обхватив голову руками.

Стану...

Чего я «стану»? Читать Соловьева, которого взахлеб перечитывал четыре десятка лет назад? Не стану. Неинтересно — в прошлом году пытался почитать. Скука.

Тогда что? Учиться ездить на большом велосипеде? Уже умею. Плавать? Играть в шахматы? Разводить огонь в печке? Всему этому я учился в семилетнем возрасте.

Но... все это я уже умею... умею... умею...

Ходить в студию игры на баяне? Фига с два! Больше я этой ошибки не повторю...

Я еще посидел, успокаиваясь, встал на ноги и почему-то отряхнул колени.

Вот! Вот оно.

БОЛЬШЕ Я НЕ ПОВТОРЮ СВОИХ ОШИБОК!

Вот что действительно может стать интересным в моем купированном состоянии. В этом тшедушном детском тельце высотой чуть более метра. С необъяснимыми для моего взрослого сознания ограничениями прав и личной свободы. В условиях непререкаемого диктата тех, кто по факту младше тебя.

Матери сейчас только двадцать восемь!

— Голова точно не болит? — Мама появилась в дверном проеме, словно почувствовав, что я думаю о ней.

Она явно уже несколько оправилась от моего недавнего перфоманса и уверенно приближалась к реальности. За ее спиной, обиженно сопя, маячил непризнанный гений, обескураженный возмутительным невниманием к его персоне.

— Го-ло-ва не бо-лит, — продекламировал я нараспев по слогам, имитируя наши с мамой уроки чтения, — мам, да ты не волнуйся — я не чокнулся. Мальчик в школе принес слова «Битлов», я увидел знакомые буквы и выучил. Хотел тебе почитать. По дороге шел, повторял и не заметил машины.

Мир встал на место. Реки потекли по своему руслу. Деревья перестали расти корнями вверх. Мама «возвращалась»:

— «Битлы» до хорошего не доведут!

Я подошел к матери и обнял ее, уткнувшись носом в передник. Вообще-то у нас в семье это не принято. «Телячьи нежности» и прочее...

— Ну хорошо... хорошо. — Мать неуверенно погладила меня по голове. — Иди ешь, стынет уже. Осторожней надо... на улице...

Ну не может без морали.

За ее спиной густым басом ревниво заревел вундеркинд-недоучка...

А за окном неистовым крымским солнцем исходил по-летнему жаркий сентябрь одна тысяча девятьсот семьдесят третьего года.

Глава 2 «К БОРЬБЕ ЗА ДЕЛО...»

Беспомощность.

Злость, обида и острое ощущение всепроникающей беспомощности...

Что-то отвык я от правил бдительности в этом прайде одноклеточных. Расслабился с возрастом — и вот теперь лежу на животе, вытянув вперед руки, и вижу только спину своего обидчика.

Он, подпрыгивая, бежит в стае таких же приматов. Держит перед собой двумя руками портфель и выискивает очередную жертву среди карапузов, чтобы двинуть ее, как и меня, исподтишка в спину.

Абсолютно иррациональные действия. В чем кайф?

Гормоны бушуют, страшно хочется отомстить. И лица своего врага я не разглядел толком. Успел заметить только уголок красного символа пионерии поверх псевдоджинсовой курточки отечественного производства.

«К борьбе за дело... Будь готов! Всегда готов!»

Оказалось — не готов.

Ну вот как так-то? Зла не хватает! Походя, между прочим, двинуть портфелем человека! Чтобы не загромождал проезжую часть, что ли?

Я медленно поднялся, уже привычным движением отряхнул колени и стал запихивать в штаны выбившуюся из-под куртки рубашку. За спиной хихикали...

— Караваев!

Таким голосом, наверное, обладала «железная леди» в Англии. В нем все — обличение преступника, вердикт присяжных, приговор — и заодно профилактика предстоящих правонарушений.

Я повернулся.

Валентина Афанасьевна. Учительница первая моя. Которую, к слову, перейдя в другую школу во втором классе, я моментально забыл. Вопреки распространенным стереотипам. А сейчас, гляди ж ты, вспомнил имя-отчество моментально.

— Какие правила нужно соблюдать в школе? — Хмуря брови, учительница стояла в дверях того самого класса, куда я и направлялся, но, к сожалению, проехал на пузе мимо из-за избытка кинетической энергии.

— Не пить... не курить... девочек не соблазнять, — тихо бурчу я себе под нос, продолжая приводить форму в порядок.

Однако слух у пожилой учительницы отменный и профессионально чуткий. Впрочем, выдержка тоже.

— Зайди в класс, — сказала она ледяным тоном, — и встань перед доской.

Я с угрюмым видом проплелся в классную комнату и встал на лобное место.

Какие знакомые забытые лица!

На первой парте — Борька Фурманов. С ним я через месяц сдружусь. Вместе будем ходить в секцию спортивной гимнастики. Аленка Заяц — тайная любовь всех наших мальчишек. Близнецы Кирюхины, очкастый Петр Краев — именно «Петр», а не «Петя», отличник и зануда. Тимка, Артурчик, Люська, Натаха, Гиви — я же напрочь забыл всех вас!

— Дети! Какие правила следует соблюдать первоклассникам в школе?

Валентина Афанасьевна ничего не делает наполовину. Педагогическую загогулину всегда нужно разогнуть до конца. В назидание грядущим...

— Валентина Афанасьевна, Караваева какой-то старшеклассник толкнул. Он упал. Он не виноват, — верная и надежная Натаха.

Одновременно и тянет руку, и встает, и садится, и говорит взахлеб, пылая праведным гневом.

— Тише, тише, Наташа. Караваев, это правда?

Мне надо что-то сказать. Что-то простое и очевидное.

Я с ужасом начинаю понимать, что сказать-то нечего! Вернее, на языке вертятся десятки заманчивых ответов, но они не могут принадлежать моему персонажу.

Какой-то сюрреализм.

Какой-то топорно примитивный ход развития сюжета. Два плюс два. Четыре, Караваев? Да, блин! Где-то так. Не больше четырех, но точно не пять. Мне что, всхлипывая от обиды, заверить присутствующих в правдивости свидетельских показаний?

Элементарные частицы материи превращаются в монументальные куски реальности, между которыми нет прохода! Симфонический оркестр пытается исполнить «Чижика-пыжика» и лажает, как пьяный лабух! Сознание взрослого трепещет от сжимающейся клетки требуемой обстоятельствами деградации.

Это похоже на приступ паники. Той, которая уже была у меня вчера дома. В животе опять противно закололо.

— Караваев, ты что молчишь? С тобой все в порядке?

Я понимаю, что, если скажу «да», все кончится.

Я вернусь на свое место и вольюсь в естественную среду полноправным членом. Стану в дружный строй колонны, которая размеренным шагом вела меня благополучно по жизни без малого полвека.

И я почему-то страшно не хочу этого. Не хочу подчиняться этим простым, как бамбук, условиям и обстоятельствам. Сдаваться не хочу. Прогибаться. Мимикрировать не хочу.

Не желаю я деградировать!

В конце концов, Я СЮДА НЕ НАПРАШИВАЛСЯ...

Поворачиваюсь и на глазах у изумленных одноклассников в звенящей тишине выхожу из класса.

Я знаю, где его искать.

Наш «аквариум» для первоклассников размещается на первом этаже левого крыла школы. А «террариум» для остальных — в правом крыле. Этажом выше нас — администрация, классы специализации, пионерия-комсомолия. Первоклашки этого не могут знать.

А вот я знаю.

И еще я знаю, что мой обидчик, пробегая по первому этажу левого крыла к запасной лестнице, мог двигаться только к одной цели — в сторону школьного спортзала, к которому «через первоклашек» короче. Ведь его собственный ареал обитания находится в совершенно другой стороне.

Ну да! Так оно и есть — вот и он.

«Кишку» в спортзал еще не открыли, и весь класс четвероклассников тусуется в маленьком коридорчике с огромными окнами на школьное футбольное поле. «Джинсовый пионер» стоит в небольшой группке соратников и, слегка подпрыгивая от возбуждения, рассказывает им что-то с азартом Петросяна.

Соратники ржут.

Вывинчиваясь на ходу из ранца и перехватывая его в правую руку, я набираю скорость. Слева мелькает выходящий из подсобки физрук в красной форме с надписью «СССР» на груди.

Да и фиг с ним!

«Джинсовый», не прекращая ржать, поворачивает голову на непонятное движение в свою сторону и, указав пальцем на клопа-первоклашку, хочет что-то сказать своим однопольчанами.

Я с разбега футболу его правой ногой в центр голени. Как пенальти пробил. А потом, не прекращая движения,

по широкой дуге справа воссоединяю свой ранец с левым ухом противника. Как раз в тот момент, когда он начал наклоняться к поврежденной конечности.

Враг обрушивается вниз наискосок взорванным небоскребом. И почти с таким же грохотом. Надо ли говорить, что ранцы у первоклашек тяжелые, в силу их неиспорченной добросовестности в деле переноски пары-тройки толстенных учебников?

Стоящий справа ближайший ко мне долговязый очевидец с ярко-пунцовыми прыщиками на лице говорит: «Э-э!» — и тянется ко мне правой рукой.

Но тут неведомая сила отрывает меня от земли и тащит назад за шиворот, избавляя от бессмысленных объяснений с присутствующими.

— Ты ч-чего, парень. — Физрук явно немолод, некрасив и совершенно неспортивен.

Надпись «СССР» вблизи оказывается слегка растрескавшейся и явно самопальной. Почему-то на ум приходит слово «водоэмульсионка».

— Ты это... зачем? Ты... как это? Ты кто вообще?

«Сергей Валерьевич», — высказывает в памяти.

Хороший дядька, хоть и тормоз. Главное — добрый и незлопамятный. Наверное, мой ровесник — где-то под полтинник. Кстати, тоже из отставников.

— Ты из какого класса, мальчик? — Физрук начинает вспоминать, что он все же какой-никакой, но педагог.

— Класс млекопитающих. Отряд приматов. — Трудно умничать в подвешенном за шкуру состоянии. — Руку убери!.. Уберите...

Меня опускают на землю.

Я разворачиваюсь и шагаю к поверженному противнику. Он сидит, ошарашенно вращая глазами, и размазывает кровь по лицу. Наверное, карабином от ремня задело. Вокруг него суетятся и причитают переполошенные одноклассницы.

Я подхожу и протягиваю руку:

— В расчете?

Ситуация по-пацански естественная. Неписанный этикет, знаете ли...

Только, против обыкновения, на другой стороне весов — не равный противник, а шпак, молекула, вонючка-первоклассник. Ему не положено так говорить... И так делать... Тем более на глазах у всех... Я ему сейчас... Убью!.. Черт, физрук здесь!

Собственно, на физрука я не рассчитывал, но его присутствие (пока он с трудом переваривает случившееся и не вмешивается) позволяет мне загнать оппонента в патовую ситуацию. На фоне шока от невиданной и короткой расправы.

Ну же, решай! Лицо ты потерял в любом случае. Сделай теперь хорошую мину...

— В расчете?! — Я намеренно повышаю голос, подталкивая его к очевидному решению.

Все равно он пока ничего толком не соображает. А рука противника — вот она, перед носом.

— В расчете. — Он вяло жмет мне руку и пытается встать.

Шок еще не прошел, но желание меня уничтожить легко читается в его глазах.

Поздно!

Я разворачиваюсь и иду в класс.

Дурацкая, дешевая, мелкая победа. Но почему-то мне становится легче...

Глава 3 СВОБОДУ ЛУИСУ КОРВАЛАНУ!

Кисть все-таки потянул. Что за хилое тельце!

Я вернулся в класс. Молча в неожиданно наступившей тишине прошел мимо парт и плюхнулся на свое место рядом с Люськой Артемовой. Даже не задумался, где я должен сидеть, — просто знал. Открыл ранец, достал пенал,

тетрадь, потрепанный букварь из школьной библиотеки. Только потом осторожно поднял глаза на учительницу.

Валентина Афанасьевна напряженно решала педагогический ребус.

Все было нетипично!

Школьные правила звонко трещали по швам, но многолетний опыт подсказывал ей не торопить события и не принимать скоропалительных решений.

Секунды три мы еще играли в «гляделки» с учительницей, потом она повернулась к доске и продолжила рисовать замысловатые крючки, которые многострадальные первоклашки должны будут воспроизвести в своих прописях.

Я тихонечко выдохнул. Тут же меня сзади затеребили за плечо.

— Караваев! Тин-насевна к директору ходила. Я сама видела! Из класса вышла! И сразу пошла! — Натаха умудрялась говорить сразу и шепотом, и скороговоркой.

Значит, проследила. От Натахи другого ожидать и не приходилось. Боевая девчонка. Лучше большинства мальчишек.

— Игнатьева! — Валентина Афанасьевна даже не повернулась, продолжая скрипеть мелом по доске. — Тишина в классе!

Сзади хлопнуло, и тряска прекратилась.

К директору, значит. Ну-ну...

Я начинал получать удовольствие от этого мира. Не суть важно, что он состоит из простейших, как куб, составных элементов. Что его связи и логические цепочки примитивны и однообразны, а поступки окружающих легко предсказуемы и хорошо знакомы — еще по той, прежней жизни.

Не страшно. Формула «я сюда не напрашивался» наполняла меня легкостью и азартной бесшабашностью. Вчерашний постулат «проживу новую жизнь без ошибок» стал казаться тусклым, унылым и беспросветным.

Краем сознания я понимал, что шараханье из одной крайности в другую вызвано симбиозом детской необузданной энергии и умудренного опытом рассудка, уставшего от многолетнего контроля над рамками норм и приличий. Понимал, но возвращаться к привычным для пожилого гражданина ограничениям не собирался.

Хотелось скакать, резвиться и радоваться этой жизни.

— Валентина Афанасьевна!

— Что, Караваев?

— Разрешите выйти из класса.

— Что случилось?

— Ничего не случилось. Мне к директору нужно.

Пауза.

— Зачем тебе к директору?

— Это конфиденциальный разговор.

Следующая пауза вышла на порядок длиннее.

— А ты понимаешь значение слова «конфиденциальный»?

— Секретный, доверительный, келейный, негласный, тет-а-тет. Продолжать?

Опять пауза.

Как же мы тяжело реагируем на экстремальные вбросы! Наши современные учителя к подобным аномалиям как-то попривычнее будут. Застой, одним словом.

— Так можно выйти или нет?

— Хм... Так, дети! Тихо сидим десять минут. Мы сейчас вернемся. Пойдем, Караваев.

Легко.

Я шагаю по школьному коридору и наслаждаюсь ситуацией.

Валентина Афанасьевна — справа и чуть сзади. Конвоирует. Хотя вид у нее несколько озадаченный, если не сказать — обалделый.

А еще я чувствую ее страх.

Страх перед непонятым учеником, перед директором, перед милыми детишками, которые ей чертовски

надоели за тридцать лет педагогической практики. Перед гороно, перед парткомом, профкомом, педсоветом, перед пьяным соседом, перед хулиганствующими подростками советских времен. Страх перед жизнью.

Мне становится ее немного жалко.

Когда мне было действительно семь лет, я всего этого не знал, не видел и не ощущал. Сейчас эта женщина передо мной — как открытая книга. Сейчас я — педагог, а она — испуганная и запутавшаяся ученица. Хочется ее подбодрить, но, боюсь, напугаю ее еще больше.

Стучу в дверь директора и терпеливо дожидаясь приглашения войти. Приглашают. Входим оба, несмотря на заявленную мною конфиденциальность.

Директор нашей школы — Вера Семеновна. Мону-ментальная фигура, надо сказать. Очень напоминает Людмилу Зыкину в лучшие ее годы. Могучие плечи, огромный бюст, гигантская гуля на затылке величиной с мою голову. И все это непостижимым образом гармонирует с приятными на глаз чертами лица, чуть курносый девчачий нос, маленьким ртом с тонкими, ярко накрашенными губами и умными глазами зеленоватого цвета, которые женщина время от времени слегка близоруко щурит, принципиально не желая носить очки.

Завуч тоже здесь. Лариса Викторовна. Полный антипод женщины-директора. Тонкая, изящная, с худым усталым лицом, украшенным огромными очками с толстенными стеклами. Светлые, выгоревшие на солнце волосы собраны в легкомысленный пучок на затылке. Тихая, незаметная и незаменимая. И опасная. Внешняя мягкость не мешает ей быть жесткой и непреклонной всегда, когда это требуется.

Ну что ж, так даже лучше.

Представление начинается.

— Караваев! — У Веры Семеновны эта констатация звучит, как «ну вот, попался!».

— Караваев — моя фамилия, — соглашаюсь я, не удержавшись от пародии на Шилова из «Ментовских

войн». — У меня к вам, Вера Семеновна, очень важный разговор.

Делаю серьезно-трагическое лицо. Настолько, насколько позволяет мимика семилетнего ребенка.

Брови директора медленно ползут вверх.

Лицо завуча непроницаемо.

Дыхание учительницы за спиной перестает быть слышным.

— Разговаривай, — очень медленно произносит Вера Семеновна.

Она пока еще не выбрала тактику своего поведения со школьником, на которого пять минут назад как-то сумбурно и невнятно настучала классная руководительница.

Не любим мы непоняток. А что вы скажете на это?

— Сальвадор Альенде убит, Вера Семеновна. Такие вот дела. Певцу и гитаристу Виктору Хара на стадионе в Сантьяго отрубили кисти рук, а потом проломили голову. В Чили военный переворот, уважаемые педагоги. К власти десять дней назад пришла хунта Аугусто Пиночета.

Все это выговариваю медленно, нарочито трагическим голосом. Контакт с директором — глаза в глаза. Она с каждым моим словом щурится все больше и больше.

Молчание.

Нервное постукивание карандаша о край стеклянной чернильницы.

Браво, Вера Семеновна!

Вы понятия не имеете, кто такой Сальвадор Альенде. Но озвучивать сей прискорбный факт не торопитесь.

— И?.. — Ее глаза уже превратились в злобные щелки.

Буря уже готова разразиться громом и молниями, но директор не знает, что в рукаве у меня грозный и непробиваемый козырь:

— И... завтра в газете «Правда» будет опубликовано «Заявление советского правительства», в котором мы разорвем дипломатические отношения с фашистским режимом Чили.

Вера Семеновна производит короткий горловой звук, будто проглатывая готовую вырваться наружу грозную и обличительную тираду. Растерянно смотрит на завуча. Завуч тут же подхватывает потерянную партнером шайбу:

— Откуда ты знаешь об этом, Витя? — Лариса Викторовна всегда быстро и точно схватывает корень проблемы.

Человек без нервов и эмоций. Гениальный педагог.

— Я не могу вам ответить на этот вопрос, Лариса Викторовна.

Завуч остается невозмутимой, хотя мой ответ явно намекает на глубокий и суровый подтекст, так знакомый диссидентствующей советской интеллигенции. И, к слову, ни один первоклассник в школе никогда не мог правильно вспомнить ее имя-отчество.

— И у меня есть предложение... — А дальше, как черт за язык, ну не могу удержаться от шкоды: — ...От прогрессивной прослойки учащихся начальных классов.

Очень хотелось спровоцировать Ларису Викторовну на эмоцию.

Не получилось. Смотрит внимательно, всем видом демонстрируя спокойствие, внимательность и доброжелательность санитара из дурки.

— И какое предложение от вашей... прослойки, Витя? Умничка!

Говорит ласково и задушевно. Как с умалишенным. Теперь и взятки гладки.

— Я думаю, наша школа может в числе первых проявить солидарность с многострадальным чилийским народом. Например, конкурсом детского рисунка. Под девизом «Руки прочь от Луиса Корвалана!».

— А Луис Корвалан — он кто, антифашист?

А вот Лариса Викторовна не стесняется пробелов в спектре собственного кругозора. Второй раз умничка!

— Лариса Викторовна! — Моей укоризне нет границ. — Луис Альберто Корвалан Лепес — генеральный секретарь компартии Чили! Вы просто забыли.

Все замерли.

Я разворачиваюсь и шагаю на выход.

В дверях вновь поворачиваюсь, мимолетно наслаждаясь очередной немой сценой, и произвожу «контрольный выстрел»:

— И кстати! Корвалана арестуют на конспиративной квартире в Сантьяго только через неделю. Время еще есть. Пойду-ка я рисовать.

Осторожно, без стука прикрываю дверь за собой.

Глава 4 **НА СТРЕЛКУ НАМ В НАТУРЕ СНОВА**

После школы меня уже ждали.

Это было естественно и легко прогнозировалось. Вот если бы не ждали — было бы странно. А так — группка человек из шести-семи во главе с «джинсовым» неадекватом демонстративно отиралась возле школьного забора, грозно потирая руки и поплеывая окрест себя.

Пионерские галстуки сняли. Мелочь, а приятно. Не хотят позорить символ борьбы за дело коммунистической партии непотребством всяким.

Собственно, по всем законам школьного социума бить меня никто не собирался. Первоклашек не бьют. Их «ставят на место», если требуется, конечно. Впрочем, даже до этого, как правило, не доходит. Не та публика, чтобы дерзить. Низшая ступень пищевой цепочки. Без права голоса и тем паче без права на свершение более или менее значимых поступков.

Но уж коли вышла такая печалька, вселенский баланс должен быть восстановлен. Любым путем. Хотя и не без своеобразного благородства.

Справедливости ради надо заметить, что нарушитель миропорядка не ставится в абсолютно безнадёжную ситуацию. В школе кроме центрального есть еще два выхода — у спортзала и через столовую. Нормальный средне-статистический первоклассник, заметив грозную демон-

страцию силы у ворот, обязан струсить и рвануть в обход — через кусты-заборы к мамочке под юбку. Это нормально. Дело тогда спокойно можно считать закрытым, а совесть чистой. Ну, будут слегка в дальнейшем попинывать при встрече, но это — сам виноват. Не нарушай «табели о рангах». Тем более так борзо.

Только меня такой расклад ни в коей мере не устраивал.

Настало время ломать традиции.

Я вышел через парадный вход и ровным шагом направился к открытым воротам.

— Эй, малой! Сюда иди...

Ничего не меняется в этой жизни! Даже фразы. Ни в будущем, ни в прошлом. А менять надо, господа. Свежеет ветер перемен. Он прилетит, прогнав ветра измен...

Я остановился перед «джинсовым» терпилой, держась руками за лямки до боли знакомого ему ранца.

— Иди сюда, я сказал!

Надо же, слова переставил! Прогресс. Собственно, я уже пришел. Стою здесь, куда просить изволили. Нагло рассматриваю потрепанное ухо своего собеседника.

Ну, раз первоклашка так туп, что не сообразил удрать, «кто не спрятался — я не виноват». Предводитель пионерского беспредела, рыкнув для убедительности, схватил меня за шиворот и потащил за угол школы. Соратники потянулись вслед, старательно изображая «уркаганский» шик, высмотренный, по всей видимости, в черно-белых сценах довоенного кинематографа, — оглядывались воровато, не прекращая сплевывать на ходу.

Молча препровождать меня к месту казни «джинсовому» показалось не так эффектно, поэтому по дороге он стал нагонять жути: «Ну сейчас... Ну все... Сейчас все...»

Что-то совсем плохо у парня с лексиконом. Благо идти было недалеко и словарного запаса хватило. Он приволок меня на пустырь за углом и тут же прижал к кирпичной стене левой рукой. Правую сжал в кулак и поднес к собст-

венному правому уху. Как лук натягивал. «Страшно» выпучил глаза:

— Ты что, шкет, совсем охренел?

С козырей зашел. Ошибка. Самое верное решение для него было бы молча надавать мне по ушам, развернуться и величаво удалиться с чувством выполненного долга. А так — начинается вербальный контакт. А здесь примитивная мускульная сила может и растерять свое определяющее значение.

Ну, что дальше?

Пока молчу и смотрю ему прямо в глаза. Нагло и вызывающе. Для приматов — это угроза. Во взгляде у злодея мелькает легкая неуверенность. Что-то неправильное происходит в этом мире. Диссонанс. По идее я должен сразу же получить психотравму от страшного ругательного слова, закрыть лицо руками, просить пощады и так далее. При таком раскладе все просто: опять же получаю по шее, пинком под зад — и все, дело можно сдавать в архив.

Однако программа начинает давать незапланированные сбои.

— Ты что, — экзекутор решает зайти с противоположного фланга, — в репу хочешь?

Тот же козырь, но, правда, чуть помельче.

И, разумеется, опять без ожидаемого эффекта. «Джинсовый» непроизвольно даже встряхнул меня несколько раз, инстинктивно пытаюсь вернуть «непонятку» к реальности. Мол, «ты это... давай... не безобразничай тут».

Ладно, не буду безобразничать.

Вернусь к реальности. Только в другом измерении. В своем.

Замечаю в «группе поддержки» прыщавого верзилу, который давеча у спортзала пытался заступиться за обиженного товарища. Владелец пестрой физиономии немело подкуривает мятую «беломорину», всем видом демонстрируя равнодушие к происходящему.

Указываю на него левой рукой.

— Чего? — «Джинсовый» недоуменно озирается.

— Пусть он скажет, — теперь я смотрю в глаза прыщавому.

Тот неожиданно кашляет, подавившись дымом.

— Чего скажет?

— Пусть он скажет, — стараюсь говорить внятно, хотя собственный адреналин все же меня потряхивает, — пусть скажет, был РАСЧЕТ или нет.

— Какой расчет? Чего ты лепишь?

— Обыкновенный РАСЧЕТ. Я тебя спрашивал у спортзала: «В расчете?» Ты сказал: «В расчете». Мы пожали руки. При всех. Пусть он скажет, был расчет или нет.

А вот сейчас все уже становится гораздо сложнее! Партия переходит в качественно новую систему координат. На новый уровень. Здесь соучастники автоматически превращаются в свидетелей. Если вообще не в суд при- сяжных.

Мальчишек хлебом не корми — дай поиграть в понятия, традиции и законы. И не суть, что эти самые правила порой придумываются тут же, на месте. Всегда солиднее выглядит тот, кто с многозначительным видом изображает компетентность в этих вопросах. А это, на секундочку, уже категория статуса. Того самого социального статуса, за который в этом возрасте происходит постоянная и бескомпромиссная грызня в любой компании подобного розлива.

Поэтому упорствую, злонамеренно провоцируя долговязого:

— Расчет был или нет? Чего молчишь? Твое слово.

Давай, красавец, реагируй. Ведь это твоя пара очков авторитета. На пустом месте. За так — только руку протяни...

— Был расчет, — бурчит прыщавый, сообразив наконец о собственных дивидендах, — все верно, Хома. РАСЧЕТ был.

Хороший мальчик. Правильное решение. Теперь мой выход:

— Руку убрал... Хома!

От моей наглости у «джинсового» округляются глаза:

— Ты ч-чего борзеешь?

— Раз кент ботает за расчет, не в мазу поцем кипешевать. — Я рывком освобождаюсь от захвата. — Западло фраеру гнусом по жиле штырить.

Если честно, этот набор белиберды, похожий на блатной жаргон, я придумал заранее, просчитывая планируемое развитие хода событий. Даже стишок один вспомнил, который одно время метался по Интернету.

— Опа-опа, — делает «охотничью стойку» парень, приятными чертами лица напоминающий девчонку. — Это что, по фене? И что значит?

Здесь они тоже — липнут как мухи на мед! Вот откуда у них такая тяга к блатной романтике? Исторические корни каторжных предков? Славянский бунтарский дух?

— Если расчет был, конфликт по понятиям исчерпан, — перевожу я, — негоже правила нарушать, господ хорошие!

— Завально! А ты че, как это, по фене ботаешь? Кто научил? Слышь, а еще скажи чего-нибудь.

«Джинсовый» уже оттерт в сторону — причина толковища забыта. У мальчишек горят глаза как перед новой игрушкой.

— Да пожалуйста: летит малява беспонтово, мотор порожняком гичкует, на стрелку нам в натуре снова, но бог не фраер — он банкует.

— А это чего значит? — ревниво бурчит «джинсовый», пытаюсь набрать потерьянные баллы.

— А это значит... Летит письмо — не жду ответа, и сердце попусту страдает. Свиданье нам... возможно ль это? Господь — владыка. Он решает.

Радостно ржут. Один даже подпрыгивает на месте от возбуждения, радостно шлепая себя по ляжкам.

— Слышь, малой, а тебя как звать-то?..

Я поздравил себя с приобретением новых знакомых. Ведь неплохие в целом парни.

Пионэры...

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Дежавю	5
<i>Глава 2.</i> «К борьбе за дело...»	16
<i>Глава 3.</i> Свободу Луису Корвалану!	21
<i>Глава 4.</i> На стрелку нам в натуре снова	27
<i>Глава 5.</i> Нет дыма без огня	32
<i>Глава 6.</i> Странно все это	41
<i>Глава 7.</i> Всевидящее око	49
<i>Глава 8.</i> На черной машине	53
<i>Глава 9.</i> Сейчас будет тебе чай	57
<i>Глава 10.</i> Не нравится мне эта ситуация	67
<i>Глава 11.</i> Отделался легким испугом	78
<i>Глава 12.</i> Нелегко быть джентльменом	86
<i>Глава 13.</i> Не до заморских нежностей	98
<i>Глава 14.</i> Щекастая девушка с красивыми ногами	107
<i>Глава 15.</i> Краеведческий комик	111
<i>Глава 16.</i> Новая команда	114
<i>Глава 17.</i> Клептоманы среди нас	118
<i>Глава 18.</i> В мире моего детства	123
<i>Глава 19.</i> Кусочек айсберга	126
<i>Глава 20.</i> Экстрим не по-детски	132
<i>Глава 21.</i> Возвращение в санаторий	141
<i>Глава 22.</i> Быть ребенком — нелегкий труд	144
<i>Глава 23.</i> Центр бухты	152
<i>Глава 24.</i> Боевые хомяки	160
<i>Глава 25.</i> Бред сивой кобылы	169
<i>Глава 26.</i> Урок английского	172
<i>Глава 27.</i> Шутки в сторону	177
<i>Глава 28.</i> Уж не игрушки	184
<i>Глава 29.</i> Как люди падают в моих глазах	190
<i>Глава 30.</i> Беспокойная ночь	198
<i>Глава 31.</i> Лес за деревьями	206
<i>Глава 32.</i> Экспромт на удачу	213

<i>Глава 33.</i> Добро и зло	218
<i>Глава 34.</i> Карточный домик	224
<i>Глава 35.</i> Прощай, подарок Геринга	230
<i>Глава 36.</i> О вреде чрезмерного купания	236
<i>Глава 37.</i> Где-то я уже это все... когда-то видел	241
<i>Глава 38.</i> И снова мрак	250
<i>Глава 39.</i> Очередное дикое безумство	259
<i>Глава 40.</i> Красоту замками не удержишь.	266
<i>Эпилог</i>	276